

## ДИНАМИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕНАВИСТИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЛЬТРАПРАВЫХ ГРУПП И ДВИЖЕНИЙ В РОССИИ В 2010-Е ГОДЫ

DOI: 10.20542/2307-1494-2017-1-116-124

**Ключевые слова:** правый экстремизм, Россия, преступления ненависти, национал-радикалы, ксенофобия, насилие против мигрантов, уличное насилие, погромы, массовые беспорядки, рейды, вижлантизм, военизированная подготовка, противодействие экстремизму

**Аннотация:** В статье анализируется динамика преступлений ненависти и деятельности ультраправых групп и движений в России, при основном внимании к национал-радикальным организациям и активистам, на которых приходится бóльшая часть таких преступлений. Рассмотрены основные характеристики национал-радикального движения и его переход в 2010-е гг. от уличного насилия, погромов и организации или участия в массовых беспорядках к антимигрантским рейдам и вижлантизму. Дано объяснение продолжающемуся кризису национал-радикального движения и спаду насилия этого толка.

**Keywords:** right-wing extremism, Russia, hate crimes, national-radicals, xenophobia, violence against migrants, street violence, pogroms, mass disturbances, raids, paramilitary training, countering extremism

**Abstract:** The article analyzes the dynamics of hate crimes and other activity of the ultra-right groups and movements in Russia, with the main focus on national-radical organizations and activists who have accounted for the majority of such crimes. The author identifies the key characteristics of the national-radical movement and its shift in the 2010s from street violence, pogroms and organizing or taking part in other mass disturbances to antimigrant raids and vigilantism. A detailed explanation is provided for the ongoing crisis of the national-radical movement and the decline of violence by the right-wing extremists.

---

### I. Введение

Российские ультраправые группы и движения, как бы ни обозначать границы этой категории политического активизма, с середины 2000-х гг. не являются частью системной политики. Политологов они интересуют в другом качестве – как источник беспорядков и преступлений ненависти,<sup>1</sup> или как возможный, но пока не реальный силовой инструмент более серьезных политических сил, или как индикатор распространенной в стране этнорелигиозной ксенофобии. Первый вариант звучит вполне резонно.<sup>2</sup> Вторым можно счесть спекулятивным: хотя случаи использования ультраправых как инструмента силового давления, возможно, и имели место, они не сыграли какой-либо заметной роли и не имели принципиального значения для политической жизни современной России. Наконец, третий вариант – анализ ультраправого движения как индикатора массовой ксенофобии – наименее оправдан, так как динамика активности ультраправых в России не совпадает с динамикой и тенденциями в области более широких общественных настроений.

Предмет этой статьи – рассмотрение динамики преступлений ненависти и деятельности ультраправых групп и движений как таковых, вне зависимости от наличия или отсутствия их связи с «большой политикой», хотя эти связи по мере надобности и в случае их наличия, конечно, следует принимать во внимание. При этом внимание в статье сфокусировано именно на той части националистического спектра в России, которая так или иначе связана с основной массой преступлений ненависти.<sup>3</sup> Для обозначения этой части националистов используется термин «национал-радикалы».

## **II. Основные характеристики национал-радикального движения и насилия**

К началу 2010-х гг. национал-радикальную часть правонационалистического движения характеризовали три основных параметра. Она была и остается:

- этно-националистической (в противовес имперскому национализму);
- более или менее оппозиционной (в отличие от прокремлевских националистических партий и организаций);
- приобретающей все более отчетливый антимигрантский характер, уделяя больше внимания «угрозе миграции», чем, например, угрозе «авторитарного режима» (в отличие от так называемых национал-демократов).

В начале текущего десятилетия эти параметры, собственно, характеризовали участников основного «Русского марша» в Москве (кроме национал-демократов) и его клонов в регионах. Иначе говоря, из относительно организованных групп речь идет о тех, которые по состоянию на 2013 год были так или иначе связаны с движением «Русские» или с Российским общенародным союзом (РОС), а также о некоторых отдельных организациях. Однако к этому направлению можно также отнести множество автономных групп, обычно молодежных, не ассоциирующих себя с известными политическими организациями, хотя те к ним постоянно апеллируют. Многие, но далеко не все эти группы называют себя «национал-автономами», национал-социалистами, НС и т. д., но в целом эта среда автономных групп характеризуется ориентацией на разные неонацистские идеи и на практику расистского насилия. С насилием, по крайней мере исторически или через деятельность отдельных своих групп, связаны и сравнительно крупные национал-радикальные организации. Главное, невозможно провести ту грань, которая отделяла бы «мирных» национал-радикалов от «боевых», хотя верно и то, что в основном такие преступления совершают члены «автономных» групп, не являющихся частью политических организаций. В целом практика насилия для национал-радикалов очень важна, чего они и не скрывают, судя по значительной активности таких объединений и формирований по части открытых уроков ножевого боя, полувоенных сборов и т. п.

Начиная с 2009 г. уровень расистского и неонацистского насилия в России под серьезным давлением полиции постепенно снижался. Точные данные о числе жертв преступлений ненависти отсутствуют. Однако даже неполные данные информационно-аналитического центра «Сова», который специализируется на мониторинге таких преступлений, показывают четкую динамику: в конце 2000-х гг., на пике расистского насилия, в таких атаках ежегодно погибало около сотни человек (в частности, в 2008 г. – 116), а число

серьезно пострадавших насчитывало около полутысячи. В 2011–2014 гг. эти показатели были уже примерно втрое меньше.

Важно также подчеркнуть, что многие ультраправые разочаровались в эффективности уличного насилия. Кроме того, что такие атаки были частью стиля движения, они все же имели и вполне внятные политические цели – отпугнуть мигрантов и политически мобилизовать основное коренное население. Однако с помощью уличного насилия ни одна из этих целей совершенно явно достигнута не была. Национал-радикалы понемногу осознавали, что избиения и даже убийства «инородцев» не влияют в нужном им направлении ни на темпы и масштабы миграции, ни на государственную политику в этой области, ни даже на общественные настроения, так что приблизить такими методами «белую революцию» не удавалось.<sup>4</sup>

Политический террор представлялся более эффективным методом революционирования русского большинства, и здесь аргументация ничем по сути не отличалась от той, которую использовали еще народовольцы в XIX в.<sup>5</sup> Однако групп, которые могли бы организовывать сколько-нибудь серьезные нападения на представителей власти, почти не нашлось: такая деятельность все же предполагала гораздо более высокую степень риска и более высокий уровень конспирации. Так что и этот способ революционирования масс не получил среди национал-радикалов развития, достаточного для того, чтобы внушить им какой-либо оптимизм.<sup>6</sup>

Решением могла бы быть опора на какую-то значительную группу граждан, не вполне идеологизированных, но склонных в большинстве к расизму и насилию. Но такие граждане не позволяли национал-радикалам себя мобилизовать в достаточно массовом порядке. Скажем, футбольные хулиганы лишь один раз были действительно масштабно мобилизованы ультраправыми – в ходе беспорядков на Манежной площади 11 декабря 2010 г., но повторить этот успех впоследствии не удалось даже отчасти.

Определенные надежды национал-радикалы могли связывать и с местными беспорядками на почве этнической нетерпимости. Подогревать и популяризировать такие беспорядки национал-радикалы пытались давно: Движение против нелегальной иммиграции (ДПНИ) – флагман национал-радикализма 2000-х гг., а затем основа движения «Русские» – как раз и зародилось в 2002 г. в ходе таких беспорядков. Наиболее известный пример локальных беспорядков, поддержанных национал-радикалами, – беспорядки в Кондопоге в 2006 г. – дали методике ДПНИ имя: «кондопожская технология». Впрочем, следует признать, что эта технология срабатывала очень редко. Пик «удач» национал-радикалов пришелся на 2013 г., но это был год, когда антимигрантская кампания на телевидении и в СМИ резко повысила уровень нетерпимости в обществе. Однако когда беспорядки случились уже на окраине столицы, в Бирюлеве-Западном, кампания на ТВ была прекращена, а вслед за этим почти немедленно прекратились и локальные эксцессы: последние за период до конца 2016 г. беспорядки были зафиксированы в декабре 2013 г.<sup>7</sup> Так что и эта надежда была национал-радикалами утрачена.

### **III. Рейды и вижлантизм**

В этих условиях в арсенале национал-радикалов оставалась только одна форма насилия, которая, может быть, и не выглядела очень перспективной, но была тактически выгодной. Речь идет о различных формах полуправильного,

умеренного насилия, которое сами его участники позиционируют как вивилантизм, а не как погромы или нападения в подворотне.

Это те силовые по сути действия, которые можно пытаться открыто представить как действия в защиту общественного блага – и даже претендовать на сотрудничество в этой сфере с силами правопорядка. Собственно, такие практики, например, в виде патрулирования улиц, известны в постсоветской России еще с 1990-х гг. ДПНИ еще на заре своего существования проводило совместные с полицией рейды по местам проживания нелегальных мигрантов. Но тогда такие практики были лишь одними из многих, а в ситуации жесткого государственного, в том числе прямого полицейского давления на «традиционное» расистское насилие и неудач в политической деятельности, такого рода рейды стали казаться многим национал-радикалам наиболее перспективной формой деятельности.

Рейды – в первую очередь, по местам работы и проживания предполагаемых мигрантов – привлекательны для национал-радикалов и в смысле реализации агрессивности в безопасных для себя формах. Они позволяли не очень сильно рисковать и лидерам, и рядовым участникам. Сотрудничество или неконфронтационные отношения с полицией и миграционными службами кому-то удавались лучше, кому-то хуже, но терпимость со стороны таких органов в отношении произвольных «рейдов против нелегальных мигрантов» явно была выше, чем в случае обычного насилия. Рейды можно было рекламировать, причем их часто показывали не только в роликах в интернете, но и по телевидению, так что они представлялись участникам еще и эффективным средством привлечения сторонников (впрочем, эти ожидания не особенно оправдались).

Такие рейды не обязательно должны были быть направлены против мигрантов. В 2012 г. мощный импульс «рейдовому движению» придала «охота на педофилов», организатором которой стал известный неонацист Максим (Тесак) Марцинкевич. Общей с прокремлевскими «молодежками» была практика рейдов против торговцев «спайсом», то есть полупулегалными курительными смесями. Широкая антигейская кампания в начале 2013 г. отразилась и на росте числа нападений со стороны ультраправых на ЛГБТ-активистов, к чему полиция тоже относилась весьма терпимо.

Важно отметить, что подъем активности такого рода был инициирован «снизу», в обход основных национал-радикальных организаций. В 2011 г. инициатива была в руках таких новых группировок, как «Светлая Русь» Игоря Мангушева и «Лига обороны Москвы» Даниила Константинова. В 2012 г. на первое место вышло неонацистское движение «Реструкт!» Марцинкевича, расширение которого было остановлено только в 2014 г., когда полиция приступила к арестам ведущих активистов. Антимигрантская риторика СМИ и отчасти властей была подхвачена национал-радикалами, в первую очередь, в форме умножившихся рейдов. Начались открытые нападения на торговцев на улицах, известные как «русская зачистка»; эта практика особенно бурно развивалась в Петербурге вплоть до ареста в октябре 2013 г. ее вдохновителя и практика Николая Бондарика. В 2013 г. известность получили новые молодежные движения типа «Щита Москвы» Алексея Худякова. Своими «рейдовыми» проектами обзавелись, наконец, и основные организации национал-радикалов (у «Русских» такой проект называется “Guestbusters”).<sup>8</sup>

Впоследствии общий спад национал-радикального насилия (см. ниже) коснулся и рейдов, но в какой-то степени они продолжались и в 2016 г.

#### **IV. Национал-радикалы и протестное движение в России в начале 2010-х гг.**

В политической сфере ситуация с начала 2010-х гг. представлялась национал-радикалам более обнадеживающей. С ними начинали считаться и даже иногда договариваться другие части оппозиции, да и сами националисты в ответ на растущее давление становились с 2010 г. все более оппозиционными.

Неудивительно, что лидеры национал-радикалов (и тем более национал-демократов) примкнули к протестному движению в России, начавшемуся в декабре 2011 г. Однако они практически не приобрели новых сторонников в его рядах. Зато самым видимым результатом стало резкое сужение поддержки политического крыла национал-радикального движения со стороны основной массы их полувоенизированных союзников снизу. Количество националистов на больших московских маршах протеста в этот период обычно было около 500 человек, включая национал-демократов, то есть в 10–12 раз меньше, чем бывало тогда на московском «русском марше», и в среднем в 50–100 раз меньше, чем общее количество участников. Да и шесть тысяч участников «русского марша» а фоне многотысячных протестных демонстраций более не выглядели мощным шествием, а число участников «русских маршей» с начала 2010-х гг. только снижалось.

Разочарование лидеров ультраправых было очень велико, как и разочарование рядовых активистов в своих лидерах. Движение уже тогда могло оказаться в серьезном кризисе, но власти непреднамеренно отсрочили его, начав весной 2013 г. антимигрантскую кампанию и дав национал-радикальным группировкам новые надежды, пусть и всего на несколько месяцев, до сворачивания соответствующей кампании после событий в московском Бирюлево.

#### **V. Причины спада национал-радикального насилия в России**

Незадолго вслед за этим, осенью 2013 г., началось обострение политического противостояния на Украине, привлекшее внимание российских политических активистов всех мастей, в том числе националистов. Начало военных действий на Донбассе весной 2014 г. стало уже настолько значимым событием, что перевесило все происходящее внутри страны. Это было очевидно не только по теленовостям, но и по дискуссиям среди активистов, в том числе национал-радикалов.

Хотя можно было бы предположить, что вооруженный конфликт станет «окном возможностей» для национал-радикалов, на самом деле реальность оказалась для них мрачной. Кризис национал-радикального движения в России, наметившийся еще в 2012 г., был усугублен новыми причинами. Первая среди таких причин – это глубокий раскол национал-радикалов в России из-за различия в их позициях по отношению к событиям на Украине.

Украинские события, начиная со столкновений на улице Грушевского в Киеве в декабре 2013 г., возрождали у националистов надежду на успех «белой революции» и в России. Для национал-радикалов Майдан стал «позитивным примером», особенно с учетом выпяченной роли в нем «Правого сектора». Однако переход украинского кризиса из фазы столкновений по линии «власть-оппозиция» к столкновениям по линии, которую можно интерпретировать как

«украинцы – русские», поставил крайних русских националистов перед серьезным выбором. Вкратце произошедшее разделение можно представить следующим образом.

Многие национал-радикальные организации и отдельные активисты (вместе с провластными националистами, национал-большевиками и большинством национал-демократов) поддержали «Русскую весну», включая присоединение Крыма к России и военные действия против Киева на Донбассе. При этом могла использоваться классическая «имперская» парадигма, в рамках которой вообще не признается существование украинской нации, а мог, наоборот, констатироваться «этнический конфликт» с украинцами. Но большинство национал-радикалов, включая верхушку движения «Русские», оказались противниками «Русской весны». Эта позиция также была основана на отрицании или приуменьшении конфликтности и вообще различия по линии «украинцы – русские». Соответственно, большинство этих деятелей рассматривали украинские события как первый этап общей национальной революции против «антирусского режима» Кремля, а меньшинство предпочло остаться в стороне.<sup>9</sup>

Многие национал-радикалы из России поехали воевать на Украину, причем на обеих сторонах вооруженного конфликта на Донбассе. Это сделало раскол внутри национал-радикального движения в России труднопреодолимым до сих пор. Глубина раскола как таковая оказала на многих оставшихся низовых активистов демобилизующее и деморализующее воздействие.

Вторая причина упадка национал-радикального движения – резко усилившееся с осени 2014 г. и сохраняющееся давление на них со стороны правоохранительных органов. Никогда раньше в современной России не было столько уголовных дел против лидеров правэкстремистских групп и организаций. Стремительно растущее число приговоров за «экстремистские высказывания» в интернете также до сих пор по большей части касалось именно националистов. Все больше национал-радикальных организаций запрещается, а движение «Русские», действительно, можно считать разгромленным. При этом полицейское давление на национал-радикалов коснулось как противников «Новороссии», так и других активистов.<sup>10</sup>

Впрочем, есть еще три не менее важные причины упадка национал-радикализма в России, сложившиеся еще до трагических событий на Украине с конца 2013 – 2014 г.

Во-первых, базой и основными представителями национал-радикального движения в России по-прежнему остаются молодежные группы, ориентированные на насилие. Именно эти группы, очень характерно выглядящие на «русском марше», остаются в глазах граждан основным образом русского националиста. Неудивительно, что средний, обычный этноксенофобно настроенный гражданин просто стилистически несовместим с такой политической силой.

Во-вторых, наиболее успешными методами национал-радикалов до сих пор были всевозможные «кондопоги», «манежки» и «русские зачистки». Однако беспорядки, в том числе массовые, определенно не пользуются симпатией российских граждан. Собственно, граждане в большинстве своем вообще отрицательно или как минимум крайне настороженно относятся к насилию в политике. Другие же методы национал-радикалам даются откровенно плохо.

В-третьих, рядовые граждане предпочитают доверить борьбу с «нелегальными мигрантами», как, впрочем, и со всеми другими проблемами,

государству или уполномоченным им организациям, но никак не самодеятельным группам, тем более оппозиционным. Проведенный весной 2013 г. широкий опрос показал, что, хотя примерно четверть граждан РФ полагает, что мигрантов обычно «бьют за дело», при этом лишь менее 20% не согласны с тезисом, что группировки типа Русского национального единства (РНЕ) или «скинхедов» надо просто запретить. Зато около 45% считают, что «надо поддерживать вооруженные казачьи формирования и подобные им патриотические группы и дружины».<sup>11</sup> Конечно, граждане одинаково плохо разбираются и в скинхедах, и в казаках, но они явно предполагают, что есть неприемлемые «очень радикальные» и не связанные с властью националисты, а есть приемлемые «не очень радикальные» националисты или еще какие-то группы, которые действуют в связке с властями и насилие применять могут, но без крайностей. При всей критичности к власти, российские граждане в основном склонны полагаться именно на нее. Это тем более верно в «посткрымской» ситуации повышенной мобилизации поддержки Кремля.

По совокупности всех этих причин с 2014 г. началось стремительное снижение всех видов активности национал-радикалов: криминального насилия, рейдов, публичных акций и т. д., что лишь в самой малой степени можно объяснить отвлечением сил национал-радикалов на конфликт на Донбассе. Достаточно сказать, что символический для движения ежегодный «Русский марш» 4 ноября не просто еще больше раздробился, но его численность, в частности, в Москве сократилась с 2013 по 2016 г. с около 6500 участников до менее полутора тысяч, а число городов, где он проводился, упало до 11.

Конечно, жизнь в находящемся в состоянии упадка национал-радикальном движении не замерла (внутри него постоянно продолжают какие-то перегруппировки). Однако в целом текущий упадок национал-радикального движения беспрецедентен для всего постсоветского периода, а осознание этого факта активистами упадок только усугубляет.

## **VI. Национал-радикалы на нынешнем этапе**

Начало вооруженного конфликта на востоке Украины открыло перед российскими национал-радикалами новое поле приложения своей энергии – это, в первую очередь, коснулось организаций и групп, и ранее в той или иной степени практиковавших насильственные действия. Впрочем, далеко не все из них поехали воевать (подчеркнем, как за одну, так и за другую сторону конфликта) – многие ограничились организацией поддержки и снабжения военных действий. Одним из таких примеров стала группировка «Е.Н.О.Т. Согр.», созданная на базе двух организаций – «Народного собора», среди лидеров которой были ультраправые деятели 1990-х гг. и которая известна преимущественно борьбой с «богохульством» в искусстве, и «Светлой Руси», одной из самых заметных организаций, проводивших в начале 2010-х гг. силовые рейды против мигрантов.

В целом, в военную и мобилизационную деятельность, связанную с конфликтом на Донбассе, были вовлечены не только национал-радикалы, являющиеся основным объектом исследования в данной статье, но и многие другие организации националистов – от таких оппонентов российской власти, как «Русское национальное единство» Александра Баркашова и «Другая Россия» Эдуарда Лимонова (их поддержка «Новороссии» не отменяет их оппозиционности), до таких ее сторонников, как, например, Национально-

освободительное движение (НОД) Евгения Федорова (известное в основном нападениями на оппозиционных активистов). В общей сложности среди нескольких тысяч добровольцев из России, воевавших на стороне «Новороссии», несколько сот, возможно, до тысячи, происходили из националистического движения, и к концу 2016 г. большинство из них вернулось домой.

В настоящее время движение национал-радикалов в России заметно уменьшилось по численности: некоторые его активисты арестованы, некоторые погибли в ходе боевых действий на Украине (как с той, так и с другой стороны), некоторые (в первую очередь, воевавшие на стороне Киева) остались на Украине, но гораздо больше тех, кто разочаровался и отошел от движения. Чем же заняты оставшиеся?

Публичных акций они проводят очень мало, хотя некоторые небольшие группы принимали активное участие в выборах осени 2016 г., в том числе поддержав либеральную партию «ПАРНАС», которая в качестве второго номера своего партийного списка выбрала правопопулистского блогера Вячеслава Мальцева.

Акций «лимитированного насилия», в том числе силовых рейдов, стало гораздо меньше (не говоря уже о традиционных преступлениях ненависти), да и они в значительной степени деполитизируются. Сейчас среди национал-радикалов гораздо популярнее вижилантные инициативы, в значительной мере деполитизированные – например, антиалкогольной направленности (в духе популярного среди молодых националистов «здорового образа жизни»). Особо выделяются сетевые кампании «Трезвые дворы» и «Лев против», в ходе которых нередко применяется и ограниченное насилие.

Что в 2015–2016 гг. действительно процветало, так это боевые тренировки всех видов, разной степени сложности и разной степени открытости для посторонних. Их проводят группировки всех частей националистического спектра, включая национал-радикалов. В такие тренировки вовлечены сотни и даже тысячи молодых людей. Безусловно, никогда раньше такого масштаба боевой подготовки у национал-радикалов не было. На данном этапе эта потенциально весьма опасная деятельность пока не встречает существенного противодействия властей, особенно по сравнению с тем противодействием, которое встречают другие виды активности радикальных националистов. Объяснить это пока затруднительно.

Потенциально, такая среда может быть отмобилизована и в политическом смысле, и в плане применения насилия, но пока в обществе нет ни условий, ни запроса ни на то, ни на другое. Однако такая военизированная подготовка может обернуться насилием в случае какого-либо серьезного нарушения нынешней политической стабильности и появления окна возможностей для радикалов – реального или мнимого.

## ПРИМЕЧАНИЯ

---

<sup>1</sup> Трактовка понятия «преступления по мотивам ненависти» в России принципиально не отличается от интерпретации понятия “hate crimes” на Западе, в том числе в США.

<sup>2</sup> Динамика ультраправого насилия в России наиболее подробно рассматривается в ежегодных докладах Информационно-аналитического центра «Сова». Эти доклады, авторами которых являются Наталия Юдина и Вера Альперович, доступны на сайте Центра «Сова» (URL: <<http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/>>), а также в издаваемых Центром ежегодных сборниках докладов (см. URL: <<http://www.sova-center.ru/books/>>).

<sup>3</sup> В данном случае, преступлений ненависти, регистрируемых в базе данных Центра «Сова»: URL: <<http://www.sova-center.ru/database/>>. Регистрации таких преступлений на государственном уровне не ведется. Преступление признается «преступлением по мотиву ненависти» только по факту приговора суда, но ведь его может и не быть, или мотив ненависти может не быть доказан в суде.

<sup>4</sup> См., например: Подлинная история проекта “NS-WP” // NS-WP. Без даты. URL: <<http://ns-wp.ws/podlinnaya-istoriya-proekta-ns-wp/>>.

<sup>5</sup> См., например: Заявление Национал-социалистической партии Руси // Блог RAC14. 22.02.2008. URL: <[http://www.liveinternet.ru/users/r\\_a\\_c\\_14/post67633105/](http://www.liveinternet.ru/users/r_a_c_14/post67633105/)>.

<sup>6</sup> Известное дело Боевой организации русских националистов только подтверждает этот тезис. См. «Правый сектор» России // Новая газета. 22.04.2014. URL: <<http://www.novayagazeta.ru/inquests/63313.html>>.

<sup>7</sup> Альперович В., Юдина Н. Праворадикал расправил плечи: Ксенофобия и радикальный национализм и противодействие им в 2013 году в России // Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2013 году. – М.: Центр «Сова», 2014. С. 17–26.

<sup>8</sup> О количественной и качественной динамике насилия со стороны национал-радикалов см. также: Верховский А. Динамика насилия в русском национализме // Россия – не Украина: современные акценты национализма. – М.: Центр «Сова», 2014. С. 32–61.

<sup>9</sup> Альперович В. Идеологические баталии русских националистов на украинских фронтах // Россия – не Украина. Ук. соч. С. 292–305.

<sup>10</sup> Альперович В., Юдина Н. Эволюция и деволюция: Ксенофобия и радикальный национализм и противодействие им в России в первой половине 2016 года. – М.: Центр «Сова», 2016. URL: <<http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2016/07/d35018/>>; Юдина Н. Антиэкстремизм в виртуальной России в 2014–2015 годы. Доклад Центра «Сова», 2016. URL: <<http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2016/06/d34913/>>.

<sup>11</sup> Данные опроса РОМИР, охватившего 1000 человек по России и 600 по Москве и проведенного в мае 2013 г. по заказу международного академического проекта «Нациестроительство и национализм в современной России».